

Александр Куприн

Русская мысль. - Париж. - 1995. -
21 дек. - с. 10.

Левее левого

Русская периодика 1917—1918 годов до сих пор остается малоисследованным континентом; экспедиции туда редки и непродолжительны. Между тем этот историко-литературный пласт таит в себе возможности интереснейших открытий.

Просматривая насквозь газетно-журнальную периодику этого времени для составления «Летописи литературной жизни Москвы и Петрограда 1917—1918 гг.» (эта работа осуществляется мною вместе с К.Поливановым), я обратил внимание на малоизвестную газету «Вольность» («Наша вольность»), выходившую с 10 октября по 8 декабря 1917 года в Петрограде под редакцией А.Амфитеатрова (позднее — Я.Полферова). В газете печатались Б.Верхоустанский, П.Пильский, Б.Мирский, В.Кадашев (сын Амфитеатрова), С.Подъячев, Т.Ганжулевич, Я.Окунев, А.Ремизов и некоторые другие писатели.

Довольно часто на страницах газеты выступал и Александр Куприн, одна из публикаций которого заслуживает, мне кажется, особого интереса. Это сатирический фельетон «Левее левого» (№19 от 10 ноября) — первый, по видимому, опыт антиутопии в русской послереволюционной литературе. Роман Замятина «Мы» был закончен только в 1921 году, но многие его темы и мотивы были предварены в независимой журналистике первого пореволюционного года.

Куприн еще в 1906 году нарисовал картины светлого будущего человечества в рассказе «Тост» («Всемирный анархический союз» людей празднует «обращение земного шара в гигантскую электромагнитную катушку»). Но его представления о будущем, как видно из публикуемого ниже текста, разошлись с большевистскими идеалами.

Простите, но я окончательно недоволен большевизмом и большевиками. И говорю я это открыто, готовый ко всяким суровым возмездиям.

Что за мякинная партия! Что за половинчатость мнений! Какая трусость мысли, не решающейся идти до конца! Овечья жалость! Психология улиток!

Почему не объявлено вычеркнутым право собственности отдельных личностей на дома, квартиры, одежды, пищу, огонь и воздух? Почему еще не свернут до сих пор брак, этот нелепый пережиток, поросший мхом и плесенью гнусной древности? Слонявые буржуи — Толстой, Тургенев и Пуш-

кин — выдумали какую-то любовь? Никакой любви никогда не было. Существует только размножение видов. А семья? Эта отдельная ячейка, это самостоятельное государство в плоскости мирового равенства, эта квинтэссенция эгоизма. Долой ее!.. И кроме того, почему животные, принимающие участие в коллективном мировом творчестве, лишены великих благ, завоеванных революцией. Товарищ бык, товарищ лошадь, товарищ пес, товарищ козел, пожалуйста, — ваше место и ваш голос!

Прощайте, господа большевики. Мне с вами не по дороге. Оставайтесь и топчитесь на месте с вашими полумерами и полусловами. Мы, партия л.л., поведем мир к неслыханному абсолютному счастью. А кто начнет упираться, того мы потащим за шиворот, за рога и за хвост насильно, о блаженство!

Мы настроим миллионы казарм. Все — одного типа и устройства. Отдельно женские и отдельно мужские. Мужчин и женщин мы острижем наголо и обреем, и облачим в одинаковые простые и удобные одежды. Разница полов будет узнаваться только по буквам м. и ж., обозначенным на груди и на спине.

Утром по звонку все идут на работу. Четырех часов работы в сутки совершенно достаточно. В полдень — обед. Все садятся за мраморные два стола. Пред каждым находится углубление, сделанное в форме миски, а также ложка, прикрепленная цепочкой к столу с таким расчетом, чтобы ею никак нельзя было дотянуться до миски соседа. По звонку эти углубления механически наполняются математически точным количеством пищи, состоящей из однородной массы, и начинается процесс насыщения. В случае, если один из обедающих имеет сегодня дурную отметку в кондуите, к нему подходит товарищ инспектор с большим клизопомпом — фить! — вытягивает все жидкое содержимое миски в трубу.

После обеда — развлечения. К чертовой матери индивидуальное искусство! С нас довольно граммофона, стереоскопа, фотографии и волшебного фонаря, а на угощение — подсолнухов. Остальное — воспоминание буржуазного прошлого. Тема для пьес и картин — всегда одна и та же, установленная навсегда товарищами комиссарами: торжество социальной революции и наказанный индивидуализм. Вечером по звонку все ложатся спать, каждый в своей камере и на своем месте, на полу, ногами в серединку, голова-

А.И.Куприн.

ми врозь. Второй звонок — и на всех с потолка спускается общее коммунаное одеяло. Спать всегда на правом боку, выпростав руки из-под одеяла.

Один день в неделю посвящается тому, что в прежние времена называлось любовью. Для сего учреждаются особые случные пункты, которыми, в интересах правильного размножения, заведуют особые товарищи — штукмаистеры. Дети — общее достояние. Товарищи воспитатели принимают меры к уравниванию подрастающего поколения, для чего длинные субъекты искусственно укорачиваются, а короткие — вытягиваются. То же и с умственными склонностями и душевными качествами.

Имена и фамилии уничтожаются: будут только номера: М. — №03116075 и Ж. — №000798060.

Прощайте, большевики! Мы бросаем вас на полпути и идем исполнинскими шагами в земной рай. Мы не желаем повторять вашу ошибку, которую вы сделали, избрав опытным полем такую все-таки сравнительно культурную страну, как Россия. Мы также отвергаем, как и вы, смешное и подлое, устарелое понятие о какой-то родине. Но мы переносим нашу великую деятельность на совершенно свежую, девственную, нетронутую цивилизацией и культурой почву. Мы поворачиваем от вас влево, еще и еще левее, пока не очутимся к вам спиной. Тогда-то, глядя не вперед, а назад, мы и устремляемся на острова Фиджи, где простодушные дикари до сих пор еще поедают человечинку и где для нашей всемирной миссии уготован белый незапятнанный лист.

Так реагировал русский писатель на социальный эксперимент большевиков. Его выступление не осталось незамеченным и вызвало реплику горьковской «Новой жизни», стоявшей в социал-демократической оппозиции к новому режиму: «Не дурен казак — А.Куприн в «Вольности». Он захотел быть «левее левого» и рисует картины социалистического будущего [...]. Стойно, гр.Куприн! Ведь вы не только «казак», а и русский писатель» («Обзор печати» в номере от 11 ноября).

Через три дня Куприн отвечал «Новой жизни» в заметке под названием

Вольт

Вольтом называется такой полупочтенный прием в картежной игре, когда вместо законного короля вылетает на стол при помощи ловкости и развязности манер волшебная десятка пик.

Так именно со мною поступила дважды «Новая жизнь». [...] В «Вольности» я благодушно шаржировал возможный максимум всечеловеческого счастья, большевикам и анархистам-коммунистам нарисовал немножко уродливую картинку-гротеск. А обозреватель «Новой жизни» так и бухнул, что эта шутка — идеал мирового будущего по Куприну.

И, прометав талию, еще заявляет: «Стойно, а еще писатель. А еще казак!»

Что я не родился в казачьей семье — об этом жалею. А писателем, правда, тяжело и неловко становится быть.

Публикация АЛЕКСАНДРА ГАЛУШКИНА
Русская мысль. - Париж. -
1995. - 21 дек. - с. 11.